

16+

Андрей Карп

Волны памяти

Андрей Давидович Карп

Волны памяти.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42382956

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-10278-1

Аннотация

Коряжемская звездочка Андрей Карп – инвалид ДЦП с детства. В свои 58 он сорок лет не был на улице. «Нелишний человек» – так называет себя автор двадцати одной книги. Человек, сотканный из чистой воли. Он все еще живет своими воспоминаниями. Автор аккуратно достает из памяти бесценные строчки историй, услышанных от родителей. Отца, Давида Наумовича, директора КПП на комсомольской стройке Котласского целлюлозно-бумажного комбината. И бесконечно сильной мамы Галины Петровны. Его короткие и емкие рассказы пропитаны хвалой человеческим ценностям. Ведь его родители принадлежали к поколению, что дарило на память своим детям целые города.

Содержание

От автора	4
Первые выборы	5
Говорит Бухарест!	11
В годы войны	15
Живой!	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

От автора

Я плыву по Океану Памяти. Со всех сторон на меня накатываются волны. Нет, то не волны, то живые картины прошлого. Затянутые туманной дымкой, они похожи на старые фильмы. Но это не кино, а настоящая жизнь близких мне людей. Я смотрю на них, слышу их голоса. На душе легко. Я чувствую тепло родного дома, все ещё живы. Картины колеблются, сменяют одна другую, исчезают в чёрной бездне Космоса, вновь появляются, освещённые вспышками воспоминаний. Хочется сохранить эту гармонию прошедших дней, запечатлеть ее на бумаге, чтобы не только я, но и другие люди прониклись атмосферой взаимной любви и уважения. Эта атмосфера помогла моим родным пережить жестокий XX век, не утратив лучших душевных качеств: честности, порядочности, жизнелюбия. И хотя всё изменилось в нашей стране, но верится, что неизменными величинами останутся любовь, бескорыстие, уважение другого мнения...

Итак, вперёд, по Океану моих воспоминаний!

Первые выборы

Как известно, первые выборы в Верховный Совет СССР состоялись в декабре 1937 года. За год до этого была принята первая Конституция Союза ССР, которую называли сталинской. В ней были красиво и чётко записаны все права граждан Советской страны. Но это была лишь красивая ширма, выставленная советской властью перед международной общественностью: мол, смотрите, господа, как у нас всё хорошо с правами человека. А за ширмой – расстрелы, пытки, лагеря. Одним словом – произвол. Согласно Конституции только через год назначались выборы в высший орган законодательной власти – Верховный Совет. Подготовка к ним велась повсеместно и основательно.

Велась она и в Днепропетровске, где уже четвёртый год жила на проспекте Карла Маркса семья Карпов. Старшему сыну Давиду, или, по-домашнему, Дусику, летом исполнилось двенадцать, и он перешёл в шестой класс. За три года жизни на новом месте Давид по привычке к ритму другого города. Появились новые друзья. Среди них выделялся ровесник Дусика, живший по соседству Игорь Ольховиков. Забегая вперёд, скажу, что крепкая дружба между Игорем и Давидом продолжалась всю жизнь, вплоть до смерти Игоря в 1972 году от рака.

Но до этого ещё далеко. Пока же они вместе бегали купаться на Днепр, ходили в кино, играли в казаки-разбойники. Родители Игоря работали на трубопрокатном заводе и были на хорошем счету у начальства. Родители Давида поощряли их дружбу, часто приглашая Игоря в гости.

А в городе, тем временем, начиналась предвыборная кампания. Рабочие коллективы выдвигали единого кандидата от блока коммунистов и беспартийных. И этим кандидатом стал ученый-океанолог, участник папанинской экспедиции на Северный полюс Пётр Петрович Ширшов. По всему городу были расклеены листовки с его портретом и биографией. Местное радио каждый день рассказывало о его деятельности. Не отставали от взрослых и мальчишки. Они бегали по городу, разбрасывая агитационные листовки. Игорь придумал речевку, которую они кричали на каждом перекрёстке проходим:

*Взрослые и детвора!
Голосуйте за Петра.
За Петра Петровича,
За Шириа Ширшовича.*

Эту речовку Давид запомнил на всю жизнь. Всё-таки, как не говори, весёлое было время! Первые выборы не были так формализованы, и агитаторы изощрались в искусстве пропаганды.

А в семье Карпов мнение насчет кандидата разделилось.

– Какой он к чёрту, кандидат, – удивлялась Елизавета

Осиповна.

– Он же не знает, в чем нуждается наш город.

– Ну, Лизонька, он же приедет сюда, побывает на собраниях и люди ему выскажут свои наказания, – спокойно говорил Наум Самуилович.

– Ха, так он и будет тебе выполнять, когда у него и так работы по горло.

– Будет. Это его прямая обязанность.

– Что-то я сомневаюсь, Наумчик. Да вообще, это и не выборы, а черт те что. Один кандидат на одно место – разве это выборы?

– Тише, тише, Елизавета! И у стен есть уши.

– А ты что, боишься?

– Да боюсь. Позавчера взяли Якова Дервянко.

– Как?! И Якова тоже!.. Ну, сволочи!..

– Вот именно! – понизил голос Наум Самуилович. – Не ровён час, и меня заберут.

– Не дай Бог, Наумчик, не дай Бог, – испугалась Елизавета

Осиповна.

Давид и его младший брат, девятилетний Исаак, не слышали этих разговоров. Они жили своими заботами: учились, посещали кружки при Дворце пионеров, ходили в кино. Уже третий год носил Давид красный галстук юного ленинца, свято веря в дело Ленина-Сталина. Но вскоре эта вера разби-

лась о суровую действительность.

В конце октября состоялось заседание совета отряда, на котором разбиралось поведение одноклассницы Давида Вали Парамоновой. Её отца и пять инженеров с завода имени Карла Либкнехта обвинили во вредительстве и шпионаже в пользу германской и японской разведок. Теперь от Вали требовали отказаться от отца – «врага народа». Девочка плакала, говорила, что отец – никакой не враг, а хороший человек, и что она любит своего папу. Но вожатая, убежденная большевичка, была неумолима.

– Тогда я ставлю вопрос об исключении Валентины Парамоновой из рядов пионерской организации, – сказала она ледяным голосом.

– Кто за?

Все, кроме Давида, подняли руки.

– А ты против? – спросила вожатая.

– Да, – твёрдо сказал Давид. – Это ошибка.

Вожатая хотела что-то возразить Карпу-младшему, но, вспомнив, кто его отец, прикусила язык. Кто его знает, как дело обернётся. Может, самой придется в лагерь шагать.

Всю свою бессильную злобу она выместила на Вале. Сорвав с неё галстук, вожатая прошипела:

– Дочери врага народа не место в пионерии.

Валя в слезах выбежала из класса, а у Давида потемнело в глазах. Подавленный, он вернулся домой.

– Что случилось Дусик? – спросила мать.

Давид только рукой махнул, прошёл в свою комнату, сел за стол и задумался. Мысли в его голове ворочались как тяжелые камни. Он вспомнил слезы Вали, и искра сомнений мелькнула в его сознании. Если те, кого арестовывали, – правы, то, выходит, те, кто арестовывали, – не правы. Но если так и дальше думать, то можно и голову сломать...

Подошёл день выборов. На всех участках звучала музыка, висели красочные плакаты. Народ валом валил к избирательным урнам, чтобы отдать свой голос. Работали буфеты, где продавали деликатесы. Одним словом – праздник социалистической демократии.

Семья Карпов тоже пошла на выборы. Нарядно одетые, они вышли из дома и пошли по проспекту Карла Маркса. Знакомые встречные здоровались и поздравляли с праздником. Ближайший участок находился в пятнадцати минутах ходьбы. Зайдя туда, они зарегистрировались. Им дали бюллетени. Первым проголосовал Наум Самуилович. И вот тут случилось непредвиденное. Елизавета Осиповна зашла в кабинку, немного подумала и вычеркнула кандидата. Потом сложила бюллетень вдвое, подошла и опустила его в урну. Губы её хитро усмехнулись. Повернувшись, она, как ни в чём не бывало, вышла из зала. И всё-таки она сделала «фи» советской власти.

На следующий день местное радио сообщило, что кандидат Петр Ширшов прошел единогласно. Всё было шито-крыто.

А через полгода выпустили Валиного отца. И Валя плюнула в лицо вожатой на глазах у всех. А на следующий день вожатая повесилась, не выдержав мук совести.

Говорит Бухарест!

Однажды Дусик подошёл к отцу и сказал:

– Папа, мне нужны деньги.

Наум Самуилович отложил в сторону газету с репортажем о последних боях гражданской войны в Испании и внимательно посмотрел на сына.

– На что тебе? – спросил он. – Мне просто интересно.

Дусик смутился, вспомнив харьковскую историю, но быстро справился с волнением и спокойно проговорил:

– Хочу купить радиодетали для детекторного приёмника.

– Хорошо. – Наум Самуилович достал из кармана брюк портмоне.

– Тридцать рублей хватит?

– Да, – не скрывая радости, ответил Дусик. Схватив три бумажки,

он выбежал из дому.

Наум Самуилович снова взял в руки газету. Но уже не читалось. Мысли были далеко отсюда, в детстве. Всё же, как отличается нынешнее поколение молодёжи от нашего дореволюционного! Разве мог еврейский мальчик из захолустного местечка Плещеницы, что находится недалеко от Минска, мечтать о детекторном приёмнике, собранном своими руками? Да что приёмник! Мог ли он, проживая в черте оседло-

сти, даже подумать о том, чтобы попасть в столичные университеты, и по их окончании заняться наукой? Нет. Удел местечкового жителя оставаться там, где ты родился, и прозябать в нищете...

Глядя на своих сыновей, Наум Самуилович радовался их неукротимому желанию расширить кругозор представлений об окружающем мире, их стремлению познать неведомое. В воздухе витала романтика открытий: челюскинцы, папанинцы, перелёт Чкалова через Северный полюс, перелёт Гризодубовой, Расковой и Осипенко по маршруту Москва – Дальний Восток. И государство поощряло эту романтику, организуя бесплатные кружки и секции, выпуская для начинающих первопроходцев специализированные журналы по различным отраслям науки и техники. Те журналы всегда были под рукой. Зачитанные до дыр, они служили пытливым умам и умелым рукам...

Дусик сбегал в радиомагазин и купил все необходимые детали. На оставшиеся деньги полакомился мороженым. Встретив во дворе Игоря Ольховикова, предложил ему вместе покумекать над схемой радиоприёмника, напечатанной в журнале «Юный радиолюбитель».

Игорь замялся:

– Понимаешь... сегодня никак. Я обещал Инне Бережной пойти с ней в кино.

– Эх, ты... – Дусик разочарованно махнул рукой. Игорь виновато улыбнулся и медленно пошёл прочь. Дусик с печалью

лю провожал взглядом уходящего друга, чувствуя, что в их отношениях появилась трещина.

Закрывшись в своей комнате, Дусик принялся за работу. Конечно, вдвоём веселее. Но что делать, если Ольга повёлся на чёрные глаза Инки! Что ж, придётся одному орудовать паяльником. Главное не перепутать, что с чем соединять. Благо, схема перед глазами...

Работал Дусик с азартом. Даже прикусил кончик языка от усердия. Не заметил, как часовая стрелка сделала полный круг... Наконец всё готово. Включил – работает. Надел наушники. Тихонько покрутил ручку настройки. Поймал Москву. Передавали концерт Лемешева по заявкам трудящихся. Дальше – Киев. Там – новости на украинской мове. Дусик продолжал путешествовать по эфиру. В наушниках сквозь треск помех слышалась разноязыкая речь. И вдруг мужской голос объявил:

– Говорит Бухарест! Начинаем прямую трансляцию из ресторана «У Лещенко» концерта известного русского певца Петра Лещенко!

Дусик собрался послушать одну-две песни, но, не в силах оторваться, дослушал до конца. Это было что-то из ряда вон... Краем уха он уже кое-что слышал про Лещенко: белоэмигрант, цыганщина, низкий вкус. Но вся эта чушь забылась, когда душа Дусика открылась навстречу обаянию таланта Петра Константиновича. Всё было необычно: мелодия, стихи, голос. И всё это звало куда-то,

говорило о свободе, о воле...

Кончился концерт, а Дусик ещё некоторое время сидел неподвижно, переполненный впечатлениями. Надо бы с кем-то поделиться, иначе сердце разорвётся от радостного возбуждения.

Дусик пошёл к отцу и рассказал обо всём. Наум Самуилович похвалил сына за усердие. Но в глазах отца Дусик увидел печаль. Сын недоумённо посмотрел на отца и услышал ответ на свой немой вопрос.

– Будь осторожен с зарубежными «голосами», – предостерег Наум Самуилович. – И у стен есть уши.

Дусик кивнул. Он понял, что придется тайком слушать Лещенко, даже от друзей скрывая своё увлечение. Но это увлечение, переросшее в искреннюю любовь, осталось с Дусиком навсегда.

В годы войны

1942 год. Немцы захватили Ростов-на-Дону и приблизились к Краснодару. Давид Карп, полгода назад эвакуированный из Днепропетровска с матерью и младшим братом Исааком в станицу Павловскую, с нарастающей тревогой следил за сводками Совинформбюро. Он понимал, что скоро придётся покинуть эти места, где делались первые шаги во взрослую жизнь. Работая в зерносовхозе сначала трактористом, а потом водителем гужевого транспорта – директорской линейки, Давид сдружился с местными казаками. Они же, в свою очередь, щедро делились с молодым парнем навыками труда на земле. Так бы и жить, горя не зная. Но жестокий враг наступал, и надо было ехать дальше на Восток. Не хотелось превращаться в перекасти-поле, но обстоятельства не допускали иных вариантов...

Через два дня, погрузившись вместе с другими эвакуированными в телячий вагон, семейство Карпов отправилось в далекий путь, не зная, что с ними будет завтра. Ночью под стук колес Давид вспоминал, как начался этот кошмар...

По традиции в то тихое июньское воскресное утро Дусик – домашнее прозвище Давида – играл с отцом в шахматы. Настенный календарь показывал две двойки, которые выгибали свои красные шеи, как лебеди на закате. Из репродуктора доносилась тихая музыка. Дусик играл неплохо, и На-

уму Самуиловичу приходилось несладко. Посмеиваясь в густые усы, Карп-старший снова и снова расставлял фигуры на доске в надежде отыграться. На сердце у Дусика было легко и весело. И не только из-за шахмат. Послезавтра ему стукнет шестнадцать, и он получит паспорт. Начнётся новый этап в жизни Дусика...

Вдруг прибежала от соседей Ольховиковых мать Дусика Елизавета Осиповна и повернула ручку репродуктора на полную громкость. Диктор тревожно объявил:

– Передаём заявление Советского правительства!

Сквозь радиопомехи послышался слегка заикающийся голос председателя СНК Вячеслава Молотова:

– Граждане и гражданки Советского Союза! Сегодня в четыре часа утра, без объявления войны...

Давид очнулся от воспоминаний. Поезд пересёк Северный Кавказ и приближался к столице Дагестана городу Махачкала. Это был конечный пункт эвакуации.

Когда всех людей расселили по квартирам, встал вопрос о работе. Елизавета Осиповна пошла на шелкопрядильную фабрику, Исаака устроили в школу, а Давид пошёл в райком комсомола, надеясь, что отправят на фронт. Но не тут-то было. Его послали строить оборонительные укрепления в горах вокруг города. И не просто послали, а назначили командиром отряда трудармии. Когда он увидел своих трудармейцев, у него глаза на лоб полезли. Все местные, представители разных национальностей, плохо говорящие по-русски. И

пришлось Давиду изучать разные языки: аварский, кумыкский, лезгинский. Тяжёлая работа сплотила людей. Давида уважали как командира. В обеденных перерывах он показывал приёмы рукопашного боя – невооружённый, против вооружённого.

После выполнения этого задания Давиду поручили сопровождать партию ФЗУшников из Баку в Красноводск через Каспийское море. И дальше в Ташкент для подготовки специалистов на завод Ташсельмаш. И снова семья снялась с насиженного места, поехала на поезде в Баку. По приезде в город они добрались до порта. Там, на десятой пристани они увидели небольшое судно. Поглядев на эту посудину, Давид подумал о том, как он разместит всех пассажиров. Первым делом нужно соорудить туалеты. Пригодилась смекалка, пришлось сколотить сиденья, которые выдвигались за борт. В тех условиях было не важно: мужчины и женщины – все были вместе. Еще одна проблема – питьевая вода. Три бочки, закреплённые на палубе, наполнили пресной водой. Решено было выдавать воду по норме – две кружки в день. Народу набилось под завязку. Кроме ФЗУшников, на палубе расположились беженцы, стремящиеся в Среднюю Азию, подальше от войны. Скученность – предвестник болезней. Так и случилось. Во время плавания люди пережили приступы диареи, небольшой шторм. Угнетала качка и страх погибнуть в пучине волн.

В Красноводске все погрузились на поезд и благополучно

доехали до Ташкента, где Давид сдал ребят коменданту общежития. Сам же помог семье добраться к родственникам в старую часть города. Покончив с жилищным вопросом, Давид пошёл в военкомат и снова попросился на фронт. Ему сказали, что не пришло твоё время. И Давид устроился на завод Ташсельмаш помощником кузнеца. За те полгода, которые проработал на заводе, Давид научился изготавливать различные металлические детали.

Вскоре пришла повестка из ближайшего общевойскового пехотного училища.

И вот, он уже курсант. Живёт в Алма-Ате в казарме, учится стрелять, ходить строевым шагом. А в голове засела одна мысль: скорей бы на фронт, бить врага.

Много событий произошло за время учёбы. Во-первых, встретил свою двоюродную сестру Дору. Во-вторых, снялся в эпизодах двух фильмов: «Иван Грозный» и «Самокатчики». В-третьих, участвовал в тушении пожара в районе Медео, где в будущем построили знаменитый каток.

В марте 1945 года, по окончании училища, Давиду выдали новую форму офицера с погонами старшего лейтенанта. С воинским эшелоном он отправился на фронт. В Одессе была остановка. Всех курсантов распределили по воинским частям. И дальше повезли через Венгрию на запад...

Но до фронта Давид не доехал. Из-за болезни он был снят с поезда и помещён в госпиталь, где и встретил Победу.

Живой!

В середине мая 1945 года старший лейтенант Давид Карп, будущий мой отец, возвращался в Москву из Венгрии. Командование автомобильного батальона предоставило ему краткосрочный отпуск для поправки здоровья после перенесенной малярии. Её он подхватил в воинском эшелоне на пути в действующую армию по окончании Алма-Атинского пехотного училища. Давид даже не помнил, как его сняли с эшелона и поместили в госпиталь в венгерском городе Дебрецене. Пока он лежал там три недели под неусыпным присмотром сестёр милосердия из женского монастыря ордена кармелиток, кончилась война. И теперь, направляясь в столицу, Давид испытывал двойственное чувство: с одной стороны он радовался Победе, а с другой стороны было грустно от того, что так и не удалось встретиться лицом к лицу с врагом.

В поезде Давид познакомился с фронтовиком, который уже демобилизовался. Звали его Николай Мансуров. Это был худощавый мужчина лет сорока с чёрными вьющимися волосами, уже тронутыми сединой. Ходил он, опираясь на палку. И во время разговора, нет-нет, да и поглаживал правое колено. Из рассказа Мансурова Давид узнал, что до войны его попутчик был профессором в институте Стали и сплавов. В начале войны Николай добровольцем ушёл на фронт,

был дважды ранен. Второй раз тяжело. Пока лежал в госпиталях, решил жене не писать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.